

УДК 332.2

DOI 10.26118/2782-4586.2025.36.52.031

Беспалов Сергей Валериевич
ИНИОН РАН

**Влияние глобализации на сельское хозяйство развивающихся стран:
точка зрения неомарксистов**

Аннотация. В статье анализируются последствия глобализации для сельского хозяйства стран глобального Юга в контексте современной неомарксистской экономической мысли, включая разорение традиционного крестьянства, экспансию корпоративного агробизнеса и обострение экологических проблем. Рассмотрена дискуссия о сущности аграрного вопроса в условиях глобализации, а также предложения по его решению, включая поддержку мелких фермеров, проведение земельных реформ и переход к устойчивым моделям сельского хозяйства. Особое внимание уделено вопросу о роли крестьянства в современной экономике, его потенциалу как альтернативы транснациональному агробизнесу.

Ключевые слова: глобализация, сельское хозяйство, крестьянство, развивающиеся страны, неомарксизм

Bespalov Sergey Valerievich
INION RAS

The impact of globalization on agriculture in developing countries: the neo-Marxist point of view

Abstract. The article analyzes the consequences of globalization for agriculture in the global South in the context of modern neo-Marxist economic thought, including the ruin of the traditional peasantry, the expansion of corporate agribusiness and the aggravation of environmental problems. The discussion on the essence of the agrarian issue in the context of globalization, as well as proposals for its solution, including support for small farmers, land reforms and the transition to sustainable agricultural models, is considered. Special attention is paid to the role of the peasantry in the modern economy and its potential as an alternative to transnational agribusiness.

Keywords: globalization, agriculture, peasantry, developing countries, neo-Marxism

Проводимая с 1980-х годов в глобальном масштабе неолиберальная политика, стремящаяся к уменьшению государственного вмешательства в рынки капитала, труда и природных ресурсов, кардинально изменила структуру сельского хозяйства развивающихся стран. В некоторых частях Азии, Африки и Латинской Америки традиционные крестьянские хозяйства, которые основывались на мелком землевладении и были ориентированы на самообеспечение, практически исчезли, в других регионах их количество значительно сократилось. С отменой государственных субсидий и других форм поддержки мелких фермеров, по словам Г. Бернштейна, крестьянство стало заменяться несколькими классами сельских трудящихся. К ним относятся, во-первых, фермеры, работающие по контрактам с транснациональными агрокомпаниями; во-вторых, мелкие землевладельцы, чьи участки слишком малы и неплодородны для собственного воспроизводства, и это заставляет их искать дополнительный доход в качестве сезонных рабочих; в-третьих, безземельные бедняки, которые надеются получить от государства землю как альтернативу малооплачиваемому наемному труду.

Концепция расширения корпоративного агробизнеса, основанная на индустриализации сельского хозяйства с активным использованием удобрений, сопровождалась обещанием сторонников транснациональных агрохимических компаний обеспечить производство, распределение и потребление продуктов на мировом рынке с беспрецедентной эффективностью. Это обещание подкреплялось низкими и стабильными ценами на продовольствие, наблюдавшимися в мире на протяжении последних двух десятилетий XX века. С 1985 года индекс реальных цен на продовольствие, согласно данным ФАО, оставался стабильным и был ниже, чем в 1960-70-х годах.

Тем не менее, стабильность цен того периода может быть объяснена и иначе. А.Банерджи утверждает, что стабилизация мировых продовольственных рынков в конце XX века была вызвана не столько эффективностью корпоративного продовольственного режима, сколько рядом глобальных факторов, включая снижение спроса на зерно. Это снижение было связано больше с изменениями в структуре потребления, чем с увеличением объемов производства зерна и продукции животноводства. С 1985 по 2002 годы производство зерна на душу населения в мире уменьшилось с 341,6 кг до 290,2 кг. Единственным фактором, который предотвратил рост цен на продукты питания, стало снижение мирового потребления зерна на душу населения с 324,3 кг в 1985 году до 303,1 кг в 2000 году [4].

Снижение потребления зерна происходило в основном в развивающихся странах, особенно в Латинской Америке и Карибском бассейне в 1980-х, а затем в Южной Азии в 1990-х. В таких регионах, как Западная Азия и Африка южнее Сахары, также наблюдался длительный спад или стагнация в потреблении продовольствия на протяжении этих десятилетий. Кроме того, резкое падение потребления в странах бывшего Советского Союза, вызванное сокращением доходов населения и упадком животноводства в ходе рыночных реформ 1990-х, значительно усугубило снижение мирового спроса на зерно.

Таким образом, описанные признаки продовольственного кризиса в ряде регионов мира в конце XX века, даже при отсутствии роста мировых цен на продовольствие, уже вызывали сомнения в эффективности глобального корпоративного продовольственного режима для большинства населения планеты. Мировой продовольственный кризис 2007-2008 годов (некоторые исследователи охватывают период с 2006 по 2014 годы) еще более подтвердил эти сомнения. Причины кризиса были разнообразными: от экологических катастроф и массового производства биотоплива из зерна до спекуляций на товарных фьючерсных рынках. В любом случае резкий рост цен на продовольствие в начале XXI века стал серьезной проблемой.

В новых условиях возникла необходимость переосмыслить аграрный вопрос, который традиционно считался одним из ключевых в марксистской экономической теории. Дискуссия о сущности аграрного вопроса в современных условиях активизировалась среди ученых неомарксистского направления после публикации ряда работ Генри Бернштейна. «Классический» аграрный вопрос в трудах Маркса, Энгельса, Каутского и Ленина включал три ключевых аспекта: движущие силы перехода к капиталистическому сельскому хозяйству; роль сельских классов в борьбе за демократию и социализм; взаимосвязь между капиталистическим сельским хозяйством и индустриализацией. По мнению Бернштейна, классический аграрный вопрос, по сути, касался капитала: сначала формирования аграрного капитала, а затем формирования промышленного капитала. Неравномерное развитие капитализма на глобальном Юге, сопровождавшееся процессами коммерциализации сельского хозяйства, «раскрестьянивания» и формирования огромно армии безземельных работников как в городах, так и в сельской местности, существенно изменило характер аграрного вопроса и социальных конфликтов. С одной стороны, Г.Бернштейн утверждал, что в условиях глобализации и стремительного роста производительных сил в капиталистическом сельском хозяйстве аграрный вопрос для транснационального капитала утратил свою актуальность. По его мнению, индустриализация развивающихся стран всё меньше зависит от связей с национальным

аграрным сектором, а экономики стран Глобального Юга глубоко интегрированы в глобальные потоки капитала и мировые рынки. Для глобального капитала, как считает Бернштейн, уже решены задачи повышения производительности труда в сельском хозяйстве, производства дешёвых продуктов питания и использования аграрного сектора как источника промышленного накопления [7, р. 250]. Однако он подчёркивает, что современный капитализм на Юге не способен обеспечить стабильную занятость, необходимую для поддержания минимального уровня жизни большинства населения. В этой связи Бернштейн вводит понятие «аграрного вопроса труда» — борьбы городской и сельской бедноты за доступ к земле как средству выживания [6].

Позиция Бернштейна подверглась критике со стороны других исследователей. Утна Патнаик, например, утверждала, что аграрный вопрос в его классическом понимании не только сохраняет актуальность, но и занимает центральное место в политэкономических дискуссиях в условиях глобализации. По её мнению, глобализация усилила стремление к контролю над тропическими землями, что делает аграрный вопрос ещё более значимым [13, р. 250]. Патнаик напоминает, что в эпоху колониализма западные государства установили прямой контроль над ресурсами тропических стран, что позволило глобальному Северу повысить уровень жизни своего населения за счёт снижения стандартов питания в колониях. После распада колониальной системы в 1950-х годах многие развивающиеся страны попытались изменить своё положение в международном разделении труда, но успеха добились лишь нефтедобывающие государства, чья независимая политика привела к нефтяному кризису 1970-х годов. В ответ Запад возродил империалистическую политику по отношению к богатым ресурсами странам и навязал всем неолиберальный режим мировой торговли, что вновь изменило структуру сельского хозяйства в сторону экспортных культур. Основными элементами этой политики стали сокращение государственных расходов, устранение торговых барьеров и демонтаж механизмов регулирования цен в развивающихся странах, что негативно сказалось на мелких сельхозпроизводителях [13, 14].

Филипп МакМайкл рассматривает «зелёную революцию» (модернизацию сельского хозяйства развивающихся стран в середине – второй половине XX века) как попытку перенести модель американского фермерства на глобальный Юг, что привело к уничтожению местного биоразнообразия, традиционных знаний и устойчивых сельскохозяйственных практик. Это заложило основу для современного корпоративного продовольственного режима, характеризующегося гомогенизацией сельского хозяйства, интенсивным использованием химикатов и технологий «умного земледелия». Хотя эти технологии преподносятся как решение экологических проблем, на деле они усиливают зависимость сельского хозяйства от корпораций и усугубляют экологические и социальные кризисы. МакМайкл призывает к радикальному переосмыслению аграрного вопроса, включающего не только экономические, но и социальные, экологические и политические аспекты. Он подчёркивает важность борьбы за земельные права, восстановление агроэкологии и сопротивление глобальным корпоративным структурам. Сердцевиной аграрного вопроса, по его мнению, является проблема продовольствия. Он рассматривает концепцию продовольственного суверенитета не просто как альтернативу, а как радикальный ответ крестьянских и общественных движений на доминирование корпоративного продовольственного режима [11, 12].

Сходной позиции придерживается и А. Банерджи, который утверждает, что современный корпоративный продовольственный режим усугубляет изначальные противоречия капиталистического индустриального сельского хозяйства. Метаболический разрыв (концепция, разработанная социологом Д.Б. Фостером на основе идей К. Маркса, описывающая нарушение взаимодействия между человеком и природой в условиях капитализма), начавшийся с введения частной собственности в рамках английских законов об огораживании, привел к вытеснению крестьян с земель, которые они обрабатывали поколениями. Этот процесс усилился с ростом урбанизации, что нарушило многовековой

цикл обмена питательными веществами между природой и человеком. Индустриализация и урбанизация, охватившие планету в ходе развития капитализма, сделали, по мнению Банерджи, сохранение и восстановление плодородия почвы ключевой экологической проблемой, которую глобальный капитализм не способен решить [4].

Тезис о кризисе современного корпоративного продовольственного режима также является центральным в исследованиях Х. Акмара-Лодхи. Он утверждает, что этот режим приводит к маргинализации и обнищанию населения развивающихся стран, где почти миллиард человек страдает от хронического голода, и одновременно к эпидемии ожирения в развитых странах, где 500 миллионов человек страдают клиническим ожирением, а 1,5 миллиарда имеют избыточный вес (что является результатом «индустриальной диеты», бедной натуральными продуктами). При этом огромные прибыли сосредоточены в руках транснациональных агрохимических корпораций и сетей супермаркетов, которые доминируют в «пищевой цепочке». С 1990-х годов именно супермаркеты стали ключевым звеном в глобальной продовольственной системе, контролируя доступ к рынкам и диктуя спрос на дешевые, стандартизированные продукты питания [1].

Распространенное мнение о том, что рост числа безземельного населения и быстрая урбанизация в странах глобального Юга являются результатом действия рыночных сил, лишаящих мелких землевладельцев их собственности, оспаривается К. Карлсоном. По его мнению, основной, если не единственной причиной этих явлений является быстрый прирост населения. При этом, несмотря на рост городского населения, во многих развивающихся странах увеличивается и количество людей, занятых сельским трудом. Это принципиально отличает аграрное развитие в странах современного глобального Юга от исторического опыта развитых стран. Если в Европе и Северной Америке по крайней мере с начала XX века наблюдается неуклонное сокращение числа работников, занятых в сельском хозяйстве, то во многих развивающихся странах их число продолжает расти. Влияние рыночных сил приводит к обнищанию мелких землевладельцев в странах глобального Юга, но при этом они не лишаются своей собственности, что было бы неизбежно, если бы сельское хозяйство развивалось по капиталистическому пути [7, 8].

Таким образом, в беднейших странах аграрные отношения развиваются в логике докапиталистических обществ: рост сельского населения приводит к дроблению землевладений и появлению всё большего количества мелких ферм. Как и в Западной Европе XVI–XVIII веков, хозяйства делятся на всё более мелкие участки, в результате чего их размеры иногда оказываются настолько малы, что они не способны обеспечить даже минимальные потребности сельских домохозяйств [7, p. 714].

Крестьянство глобального юга составляет сейчас без малого половину населения планеты – около 3 млрд человек. Способы ведения сельского хозяйства в развивающихся странах принципиально различны. Меньшая часть хозяйств сумела воспользоваться достижениями зелёной революции (использованием удобрений, пестицидов и лучшего семенного материала). Однако в большей части хозяйств производительность остаётся примерно такой же, как до зелёной революции: около 10 центнеров на работника. В то же время современные, преимущественно семейные фермы, которые преобладают в Западной Европе и США, наглядно доказали свои преимущества перед другими видами сельскохозяйственного производства, достигнув потрясающих показателей эффективности – их производительность на одного работника эквивалентна 1000–2000 тоннам зерна в год [2].

В то же время многие исследователи считают губительным стремление перенести капиталистическую модель модернизации сельского хозяйства на глобальный Юг. Один из основоположников неомарксизма Самир Амин призывает задуматься над фундаментальным противоречием, которое возникает при реализации подобного подхода. Можно легко представить, что 50 миллионов крупных фермерских хозяйств, получив доступ к лучшим землям (отобранным у крестьян) и капиталу для интенсификации производства, смогут обеспечить продукцией платежеспособное городское население. Но

миллиарды крестьян (многие из которых уже живут в условиях крайней бедности), которым не найдётся места в этой системе, лишатся последних средств к существованию. «В течение следующих 50 лет никакое промышленное развитие, даже в рамках притянутой за уши гипотезы о ежегодном росте на 7% для трех четвертей человечества, не сможет поглотить даже треть этого трудового резерва». Капитализм, по словам Амина, по своей природе не способен решить проблему крестьянства. Его логика ведет к созданию мира, где миллиарды людей становятся «лишними», а планета превращается в гигантские трущобы. «Мы подошли к моменту, когда для расширения капитала и модернизации сельского хозяйства требуется уничтожить целые общества. 50 миллионов новых эффективных производителей (200 миллионов человек с членами семей), с одной стороны, и три миллиарда исключенных из системы людей - с другой. Созидательная часть этого процесса ничтожна по сравнению с масштабами разрушения, которое он влечет за собой» [3, p. 155-156].

Выводы С.Амина подкрепляет на материале Гватемалы Дж.Дюрр. Пример этой центральноамериканской страны представляется ему весьма показательным в силу того, что в Гватемале исторически сложился дуалистический аграрный сектор. С одной стороны, это многочисленные мелкие крестьянские хозяйства, по большей части расположенные в высокогорных районах; они производят основные продукты питания для внутреннего рынка – бобовые, кукурузу, а также фрукты и овощи, выращивание которых является наиболее трудоёмким. С другой стороны, это крупные и средние хозяйства, производящие продукцию на экспорт – кофе, тростниковый сахар, пальмовое масло и т.д. Такая структура сельского хозяйства в Гватемале крайне устойчива и никогда не менялась радикальными аграрными реформами. Анализируя сельскохозяйственную статистику Гватемалы, Дж. Дюрр пришёл к значимому заключению: крупные фермерские хозяйства вносят в национальную экономику на треть больше добавленной стоимости с гектара по сравнению с мелкими фермерскими хозяйствами. Однако мелкие фермы создают значительно больше рабочих мест на единицу площади, чем крупные. С точки зрения аграрной политики и стратегий развития в Гватемале и схожих странах, это, по мнению Дюрра, указывает на то, что поддержка мелких хозяйств более перспективна для создания новых рабочих мест [9, p. 678].

Я.Д. ван дер Плоэг, обращаясь к идеям А.В. Чаянова, переосмысливает их в контексте современных реалий, где экономика, общество и природа тесно взаимосвязаны. Он подчёркивает актуальность и устойчивость крестьянского земледелия в современных условиях, исследуя феномен рекрестьянизации (*repeasantization*) — процесса возвращения к традиционным формам сельского хозяйства, который становится всё более значимым в условиях глобальных вызовов. Ван дер Плоэг выделяет два ключевых элемента чаяновской концепции: семейный труд и семейный капитал. Он подчёркивает, что крестьянское хозяйство принципиально отличается от капиталистического: его цель — не накопление, а поддержание уровня жизни. Рассуждая о способности крестьянского хозяйства обеспечить продовольствием весь мир, ван дер Плоэг приходит к выводу, что оно часто демонстрирует более высокую урожайность благодаря сбалансированному подходу, основанному на гармонии между человеком и природой, а также между производством и воспроизводством. Кроме того, крестьянское земледелие отличается устойчивостью, поскольку сохраняет экологическое равновесие с местными экосистемами и избегает деструктивных вмешательств в сельскохозяйственные процессы [15].

Что касается рекрестьянизации, ван дер Плоэг отмечает, что это явление стало заметным в последние полвека и развивалось различными путями, включая реформы Дэн Сяопина (деколлективизацию) в Китае, движение безземельных крестьян (MST) в Бразилии, агроэкологические инициативы и международное движение «La Via Campesina» («крестьянский путь»). Китайский опыт, например, привёл к резкому росту сельскохозяйственного производства в период с 1978 по 1984 г., что существенно снизило уровень голода и бедности. Ключевую роль в этом сыграли предоставление крестьянам права на самостоятельное принятие решений и повышение их мотивации. Ван дер Плоэг

утверждает, что многофункциональность крестьянских хозяйств и их развитие в гармонии с природой позволяют идеям Чаянова о сложно сбалансированном крестьянском хозяйстве сохраняться, развиваться и находить применение даже в условиях доминирования современного капиталистического агробизнеса [14, 15].

Таким образом, проблема аграрного развития на глобальном Юге сегодня является одной из самых актуальных и спорных тем в неомарксистской экономической мысли. Исследователи сосредоточены на нескольких ключевых аспектах: сущности аграрного вопроса в условиях глобализации, последствиях экспансии корпоративного агробизнеса, роли крестьянства в современной экономике, а также возможностях и путях достижения продовольственного суверенитета развивающихся стран. Для неомарксистов аграрный вопрос — это не только экономическая, но и социальная, экологическая и политическая проблема. Её решение требует комплексного подхода, включающего борьбу с гегемонией транснациональных корпораций, поддержку мелких хозяйств, проведение земельных реформ и переход к экологически устойчивой модели сельского хозяйства.

Список источников

1. Akram-Lodhi A. *Hungry for Change: Farmers, Food Justice and the Agrarian Question*. Black Point, Nova Scotia: Fernwood, 2013. 194 p.
2. Amin S. Contemporary Imperialism and the Agrarian Question // *Agrarian South: Journal of Political Economy*. 2012. № 1. Pp. 11–26.
3. Amin S. The Agrarian Question a Century after October 1917: Capitalist Agriculture and Agricultures in Capitalism // *Agrarian South: Journal of Political Economy*. 2017. № 6. Pp. 149–174.
4. Banerjee A. Agrarian Questions: New Paradigms in a Changing World // *Development and Change*. 2023. № 54 (3). 671–687.
5. Bernstein H. *Class Dynamics and Agrarian Change*. Nova Scotia and Winnipeg: Fernwood Publishing, 2010. 136 pp.
6. Bernstein H. Agrarian questions from transition to globalization // Akram-Lodhi A.H., Kay C. (Eds.). *Peasants and globalization: Political economy, rural transformation and the agrarian question*. London: Routledge. 2009. Pp. 239–261
7. Carlson C. Rethinking the agrarian question: Agriculture and underdevelopment in the Global South // *Journal of Agrarian Change*. 2018. № 18. Pp. 703–721.
8. Carlson C. Latifundio and the logic of underdevelopment: The case of Venezuela's Sur del Lago. *The Journal of Peasant Studies*. 2017. № 44 (1), Pp. 286–308.
9. Durr J. The political economy of agriculture for development today: the “small versus large” scale debate revisited // *Agricultural Economics*. 2016. № 47. Pp. 671–681.
10. McMichael P. *Food Regimes and Agrarian Questions*. Nova Scotia and Winnipeg: Fernwood Publishing, 2013. 144 p.
11. McMichael P. The world food crisis in historical perspective // Magdoff F., Tokar B. (Eds.). *Agriculture and food in crisis, conflict, resistance, and renewal*. New York: Monthly Review Press. Nova Scotia: Fernwood, 2010. Pp. 51–68.
12. Patnaik U. Some Aspects of the Contemporary Agrarian Question // *Agrarian South: Journal of Political Economy*. 2012. № 1. Pp. 233–254.
13. Patnaik, U. Origins of the Food Crisis in India and Developing Countries, *Monthly Review*. 2009. № 61. Pp. 63–77.
14. van der Ploeg J.D. Differentiation: Old Controversies, New Insights, *The Journal of Peasant Studies*. 2018. № 45. Pp. 489–524.
15. Van der Ploeg J.D.. *Peasants and the Art of Farming: A Chayanovian Manifesto*. Nova Scotia and Winnipeg: Fernwood Publishing, 2013. 146 p.

Сведения об авторе

Беспалов Сергей Валериевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел экономики, ИНИОН РАН, г. Москва, Россия

Information about the author

Bespalov Sergey Valerievich, PhD, Senior Researcher, Economics Department of INION RAS, Moscow, Russia